

УДК 1(091)(4)
ББК 87.3(4)
М26

Марков, Александр Викторович.

М26 Европейская классическая философия / А. В. Марков. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 272 с. — (Простыми словами pro).

ISBN 978-5-17-108088-4

В этой книге — простое и увлекательное изложение западной философии, которую мы называем классической. Александр Марков не только рассказывает о знакомых нам европейских мыслителях — в его книге классика встречается с неизвестным, и читатель сможет узнать о концепциях философов, имена которых порой незаслуженно забыты. Богатый калейдоскоп — от Аврелия Августина до Карла Маркса и Эдмунда Гуссерля: вы сможете проследить развитие европейской философии от классики до переднего края современной мысли. Вы прикоснетесь не только к привычному западноевропейскому мировоззрению, но и узнаете о работе философов Венгрии, Финляндии, Хорватии и других стран. Для студентов и всех, кто интересуется философией.

УДК 1(091)(4)
ББК 87.3(4)

ISBN 978-5-17-108088-4

© Марков А. В., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Содержание

<i>От автора</i>	5
Глава 1	
<i>Где живет западная философия</i>	8
Как в Европе появилась университетская философия и какие проблемы она поставила	8
Особенности средневековой философии	19
Глава 2	
<i>Философия в университетах живет по-разному</i>	34
Почему философы создали университет	34
Разные страны — разные университетские и философские традиции	42
Развитие философского образования в славянском мире	50
Как профессора и студенты вместе создают философское знание	59
Глава 3	
<i>Патристика и схоластика</i>	64
Что исследует средневековая философия	64
Как была устроена речь философа в средние века	69
Какие новые жанры создала эта речь	73
Как эта философия оказывается искусством истины и искусством спасения	79
Глава 4	
<i>Ренессанс и внеуниверситетская философия</i>	86
Ренессанс как возрождение языка и культуры	86
Имена и достижения философии Ренессанса	90
Многообразие проблем ренессансной философии	101
Глава 5	
<i>Возникновение новой философии</i>	110
Как Декарт себя защищает	110
Метафизические размышления Декарта	117

<i>Глава 6</i>	
<i>Идеалисты и материалисты нового времени</i>	141
Как соотносятся истина философии и достоверность знания	141
Каковы судьбы проекта Декарта у Лейбница, Локка и многих других философов.	145
Как идеалисты и материалисты объясняли субстанцию и сознание.	160
<i>Глава 7</i>	
<i>От Просвещения к романтизму</i>	163
Как Просвещение стало философским движением	163
Что сделал Кант в философии	170
Как из романтического проекта возникли великие системы Фихте, Гегеля и Шеллинга.	176
Позитивизм и марксизм	191
<i>Глава 8</i>	
<i>Кризис и выход из него</i>	196
Феноменология и проект Хайдеггера	196
Политика и этика в философии XX века	209
Новые опыты метафизики: метафизика общества, метафизика деконструкции, метафизика веры	215
<i>Глава 9</i>	
<i>Женщины-философы</i>	221
Женская философия как проблема.	221
Средневековая женская духовность как философия.	223
Эмансипация и ее значение. Философия «экстатичности» и современный феминизм. Принятие Другого.	239
<i>Глава 10</i>	
<i>Что сейчас делают философы</i>	245
Философ между теорией и практической или экономической жизнью	245
Философ и литература: истолкование границ литературного опыта	251
<i>Послесловие</i>	
<i>Как живет западная философия сейчас</i>	268

От автора

Предлагаемая книга — краткое изложение того, как думали философы, которых мы называем западными: от Аврелия Августина до Карла Маркса и Эдмунда Гуссерля до наших дней. Хотя мы ориентируемся на магистральную линию философии, объясняя, что сделал Фома Аквинский, что — Бэкон, а что — Декарт, мы раздвигаем привычные географические границы: из книги вы узнаете, какой вклад в общее дело внесли венгерские, финские, хорватские, греческие, португальские и другие философы. А также мы рассказываем про то, как по сей день продолжаются споры, которые на первый взгляд кажутся достоянием прошлых веков.

В этой книге нет биографий философов, нет их афоризмов и мудрых мыслей, точнее, есть, но только когда этого требует изложение материала. Но в ней есть другое: реконструкция того, почему каждый из философов задумался именно над этой проблемой, что его или ее озадачило, что мучило, и как сомнения и решения одного философа разделялись другим или другой. Изложено это не только по географическому признаку, но и гендерному: много внимания в книге уделено деятельности женщин-философов.

Так что эта книга — не просто краткая (хотя мы постарались не упустить ничего важного) и популярная

история западной философии, но учебник мысли. Мысли, которая продолжает тревожить и сегодня; мысли, которая не является просто рабочим инструментом философа, его или ее аргументом, потому что мысль нельзя превращать в инструмент; мысли, которая захватывает философа, становится для мыслителя проблемой. Мы войдем в философию и начнем о ней думать.

Мы убеждены, что такое изложение поможет запомнить особенности мысли каждого философа при подготовке к экзамену.

Некоторые считают, что раз философия — самая строгая наука, то она должна быть изложена сухим языком. Наша книга написана просто и изящно. Насколько это получилось, решать читателю. Вместо долгой аргументации, которая бы захватила не предназначенный ей объем книги, ограничусь словами античного платоника Апулея:

«Я пил и из чаш других в Афинах, из поэтической — фантазии, из геометрической — блеск, из музыкальной — сладость, из диалектической — суровость, но лучше всего из чаши всей философии — потому что она неисчерпаема и наполнена нектаром [т.е. бессмертием]. Эмпедокл пел поэмы, Платон — диалоги, Сократ — гимны, Эпихарм — ритмические произведения, Ксенофонт — исторические, Кратет — сатирические: а ваш Апулей почтил всех десяти-терых муз с равным усердием и старанием, возможно, проявляя больше решимости, чем способностей, но ведь именно решимость только и может снискать похвалу»¹.

¹ Здесь и далее все переводы с латыни, древнегреческого, новогреческого, английского, немецкого и французского принадлежат автору книги. Квадратные скобки употребляются для пояснений, не принадлежащих оригинальному тексту.

От автора

Мне посчастливилось общаться с теми философами, нашими современниками, на которых я ссылаюсь, или хотя бы переписываться с ними. Без этих встреч книги бы не было. Книгу посвящаю женщинам-философам, знакомство с которыми считаю своим счастьем.

Глава 1

Где живет западная философия

Как в Европе появилась университетская философия и какие проблемы она поставила

В истории западной философии некоторые ее направления, например немецкий идеализм Гегеля и Шеллинга, получили название «классической философии». Основоположник этого идеализма — Кант, который выступает как бы законодателем. А что следует строгим законам, то и классика. Некоторые направления, скажем, эмпиризм, позитивизм, сенсуализм, создавали свою классику — сочинения, в которых это учение излагалось наиболее полно и последовательно.

Средневековая философия — патристика и схоластика — имела свою классику: комментируемые тексты. Так, схоластика комментировала Аристотеля, которого называла просто философ, как мы можем, процитировав Пушкина, сказать просто «по словам поэта».

Обо всех этих эпохах и направлениях мы будем говорить в этой книге, поэтому не надо бояться, если некоторые из названных слов для обозначения философских школ и направлений еще неизвестны. В нужном месте мы объясним все во всех подробностях. Сейчас нам важнее другое: в некотором смысле вся западная философия — классика, потому что в ней не было ни одного сколь-нибудь заметного мыслителя, который не обосновывал бы свои решения так, чтобы другие

могли за ним это повторить, воспроизвести, принять его аргументацию как блестящую, а если и поспорить с ним и не согласиться, то лишь потому, что философия в своем познании идет все дальше.

На первый взгляд, ответить, что такое Запад, нетрудно — это земли под властью Римской империи или государств, возникших на ее месте. Становится понятно, почему к Западу относится Бразилия — бывшее владение Португалии, но не Япония и Южная Корея, при всех их успехах в области наук и технологий. Мы отличаем тем самым наследие Римской империи от наследия Арабского халифата или Японской империи. Но при этом Индию или страны Африки мы не отнесем к Западу, хотя они были колониями западных стран, потому что они и в колониальное, и в постколониальное время создавались как заведомо к Западу не относящиеся. Россия относится к Западу как полноправный участник западной политики, но, если взять искусство большинства регионов России, оно не будет воспринято как западное.

В свое время монголы, восприняв многое от китайцев, принесли нам почтовое сообщение, организованное лучше, чем где-либо на Западе, но эту лучшую организацию мы не назовем западной при всей ее эффективности.

Трудно также отнести к Западу Грузию, Армению, Израиль или христианские общины Ближнего Востока, потому что сразу возникает мысль о том, что в системе производства и распространения знания (или искусства) связывает этот не ярко выраженный Восток с Западом.

Так что же делает Запад Западом?

Если мы посмотрим на университеты Индии или Африки, философский или любой другой факультет, мы увидим, что сходства с Западом там будет гораздо больше, чем различий. Получается, что западная философия — университетская философия. На это найдутся возражения, что некоторые выдающиеся философы, такие как Фичино или Лейбниц, не были связаны с университетами, но создавали собственные академии, или такие как Шопенгауэр и Ницше (о них мы тоже подробно поговорим), которые просто покидали университеты, погружаясь в частную жизнь.

Многие мыслители, начиная с первого античного философа природы Фалеса Милетского до нынешнего президента Франции Э. Макрона, были успешными государственными деятелями, министрами, советниками или даже предпринимателями. И хотя некоторые из них преподавали и даже имели учеников, они не видели необходимости в систематическом преподавании своих достижений.

Выдающиеся русские философы Владимир Сергеевич Соловьев в XIX веке или Алексей Федорович Лосев в XX веке хоть и читали лекции в университете, но не имели свободы в выборе курсов, и ничем не защищенные от нападков коллег были вынуждены делать длительные перерывы. Это происходило из-за того, что в российских университетах не было богословских факультетов.

На Западе свободомыслящие философы могли конфликтовать с богословами, но тем не менее обращались к ним как к арбитрам. Например, для внеко-

нфессионального Хайдеггера была важна позиция крупнейшего богослова Рудольфа Бультмана (1884—1976) по вопросу фактичности евангельских событий.

Большей частью русские философы были вольными лекторами, влияя на аудиторию своими статьями, а не систематическим преподаванием. Это также подвергает сомнению роль университета как средоточия философской мысли.

По-разному могло пониматься место философии и в самом университете. В средневековой модели, просуществовавшей с некоторыми изменениями до начала XIX века (хотя созданные в эпоху Контрреформации коллежи, соединившие черты среднего и высшего образования, были альтернативной университету), философский факультет был подготовительным для трех других факультетов: богословского, юридического и медицинского. Иначе говоря, философия понималась как общее образование, формирующее навыки мышления, рассуждения, исследования, которые потом могли пригодиться в выбранной профессии.

Такое понимание науки сохраняется в современных американских университетах: в них господствует аналитическая философия, в центре внимания которой находится логика. Эта философия настаивает на ограниченности языка для правильной формулировки философских вопросов и на необходимости критической проверки любых суждений. Те, кто учится философии, впоследствии может продолжить обучение в магистратуре бизнес-управления или юриспруденции, поэтому им прежде всего требуется строгая логика и умение обходить те или иные языковые ловушки. Им нельзя

принимать особенности языкового выражения за истину, иначе юрист поддается произвольной интерпретации закона, а бизнесмен неправильно истолкует ту ситуацию, в которой оказался, опираясь на незрелые метафоры.

А в средневековом университете философия включала любые науки о природе, поэтому естественнонаучное знание даже может считаться сейчас частью философского знания.

Фридрих Шлегель (1772—1829), один из основателей немецкого романтизма, считал, что философия, обитающая на высотах духа, должна находиться на вершине университетского образования. Пусть студенты заканчивают разные факультеты, но в конце обучения им требуется курс философии, чтобы понять, что учились они не зря, и изученные ими понятия и разряды мысли имеют отношение не только к их роду занятий и профессиональным интересам, но и к познанию всего мира как такового и общению с этим миром. Отчасти этот идеал реализован в нашей стране: в философскую аспирантуру иногда идут выпускники, которые получили диплом по физике, химии или, например, филологии.

В некоторых странах, например во Франции, высшее образование — это постоянное совершенствование в профессии, поэтому общее изучение философии проходит в старших классах школы. Если кто-то специализируется по философии в университете, то исследуется не какой-то отдельный вопрос, а осваиваются навыки публичной аргументации по разным основополагающим и историческим аспектам философии, чтобы доказать любой комиссии, что ты профессионал высокого

класса не только в области дела, но и в области самой мысли. Поэтому современный французский философ обычно очень эрудирован, умеет выступать перед самой разной публикой, хочет влиять на образ мышления современников и даже на политику.

В большинстве стран Европы философия — университетская специализация: выпускники философских факультетов становятся преподавателями, консультантами или писателями. Но это не значит, что студенты других факультетов проходят мимо философии. Они слушают или философские курсы, или курсы по другим дисциплинам, связанным с философией: это может быть общая психология, теория кино или методы изучения истории.

Студенты технических специальностей вполне могут выбрать, скажем, историю науки в контексте истории культуры, философию природы или практику ведения диалога. В России студенты любых специальностей слушают курс философии, хотя его содержание может и не охватывать всех философских вопросов. Обязательными частями такого курса являются краткая история мировой философии, включая восточную; основные проблемы философской теории, как они были сформулированы классическим немецким идеализмом (дух и материя, сознание и самосознание, мысль и язык и другие), а также современная философия науки.

В некоторых странах, например в Германии, философские факультеты рассматривают себя как мост между естественнонаучным и социальным знанием: только философы смогут достаточно уверенно отличить, чем законы природы отличаются от законов

общества. В Великобритании философия понимается как отчасти экспериментальное знание, производящее эксперименты не только с природой, но и с мышлением. Во Франции особое внимание философии уделяют гуманитарии: философия учит добиваться целей при обладании минимумом ресурсов: когда у тебя нет ни лаборатории, ни производства, а есть только бумага и карандаш и умение выступать перед публикой.

Но какой бы ни была модель философского образования в университете, никогда влияние философа не ограничивается его или ее непосредственными учениками, оно распространяется косвенно на весь университет. Это может быть живой интерес коллег к достижениям философов, может быть определение структуры программ и даже устройства досуга студентов, может быть постановка острых вопросов для дискуссий или влияние на культуру дискуссий во всем университете. Как бы там ни было, университет оказывается главным местом для философии, ее домом и ее лабораторией. Именно в университете философия становится «западной», даже если это философия Конфуция или Ибн-Сины (Авиценны) — она становится предметом формулировок, обсуждения, пересказа, спора, применения. Она уже не просто благоговейно передается от учителей к ученикам и определяет образ жизни, она становится частью университетской культуры, включающей и спор, и убеждение, и удивление, и сомнение.

Мы уже упомянули выражения вроде «философия Конфуция» или «философия природы», или «философия права». Такие выражения понятны в контексте западной философии, но были бы непонятны в античной

(и той части средневековой философии, которая прямо наследует античную) или в арабской философии. Для нас это разделы философии: эта наука настолько могущественна, что вобрала в себя учения Платона и Конфуция; что может изучать право и искусство как отдельные разделы; ей подвластны даже философия человеческих отношений или сложных социальных систем. Везде философии есть что сказать. В античности эти выражения были бы поняты иначе: философия права означала бы не философское теоретизирование о праве, но способность права быть философским, стать носителем философии; как и, например, философия политики означала бы не взгляд философа на политику, а способность строить политику на философских основаниях, как это было у Платона. Философией человека назвали бы не исследование человека, а способность каждого из нас жить жизнью философа: именно в этом смысле «философией» в христианских кругах могли называть добродетельную или монашескую жизнь. Тогда как университет со своими лекциями, дисциплинами, исследовательскими программами навсегда изменил смысл слова «философия».

В отличие от других средневековых корпораций со своими цеховыми секретами, университет был открытой корпорацией, доступной для всех, кто смог сдать экзамен. Так, университет стал первым местом научной публичности. Потом эта публичность далеко не всех радовала: например, для ренессансных гуманистов она была грубоватой, а для королевских дворов новой Европы — слишком консервативной. Поэтому как альтернатива университетам создавались разные академии,